

Морозов Альбин

ХУДОЖНИК ТЕАТРА

Творческие портреты

Вечерний Новосибирск
г. Новосибирск

27 ноя 1971

Первый успех открыл, но долго упиваться им не было времени — вскоре Морозову поручают новую работу, не менее сложную, чем опера Чайковского — знаменитый балет великого композитора «Щелкунчик».

Для Альбина Ивановича это была первая встреча с балетным произведением, а следовательно, с новыми требованиями и трудностями. Затем — опера Краева «Морозко» и вновь Чайковский — на этот раз «Спящая красавица». И еще опера — Римский-Корсаков «Майская ночь»... Это за три-то года! Не правда ли, немало для начинающего художника. И, конечно же, этой интенсивности был рад в первую очередь сам Морозов. Одно желание тогда владело им — больше, как можно больше спектаклей.

Жизнь предоставляла такую возможность: что ни сезон, то одна, две постановки — балет или опера, сказка или быль, драма или комедия, Франция эпохи Средневековья или Петербург времен Пушкина. Было в этом обилии и разнообразии немало положительного — Морозов практически познавал законы сцены, ее возможности и ограничения, под руководством талантливых педагогов, сначала главного художника М. Ф. Домрачева, С. Л. Белоголового, потом И. В. Севастьянова шлифовал свое искусство, накапливал опыт и знания. И уже через несколько лет его спектакли, к примеру, «Евгений Онегин», который и сегодня идет в оформлении А. Морозова, разительно отличались от первой работы. Чувствовалась твердая рука мастера, владение законами сцены, умение придать спектаклю единую целостную изобразительную форму, создать эмоциональную атмосферу, отвечающую музыке и драматургии произведения.

Но по-прежнему Морозов оставался верен себе — строгой реалистичности в оформлении, яркой театральности, а декорации пейзажных картин по-прежнему были овеяны нежной и чуть грустной поэзией.

Однако это обилие и разнообразие таили и определенную опасность. Ведь, в общем-то, многие произведения, которые ставил Альбин Иванович в тот период, в чем-то перекликались между собой, будили скорее фантазию, чем мысль художника. Вероятно, для другого человека подобное оказалось бы губительным. Но не для Морозова, уже в то время зарекомендовавшего себя не только талантливым театральным художником, но и человеком острым, пронзительного ума, высокой эрудиции, тонким знатоком музыки. Он сам первый почувствовал опасность успокоенности, топтания на месте, и отныне каждая работа, даже не представляющая для него большого интереса, становилась вдвойне ответственной, как бы премьерой в творчестве художника. Сократилось число постановок. Теперь главным для Морозова стало не количество спектаклей, а совершенство их оформления.

К сожалению, театральным художником, в отличие от живописца, скульптора может передать свои сокровенные мысли и чувства только через посредство драматургического материала, в данном случае — музыкального. А этот материал, отвечающий его устремлениям, порой приходится очень долго ждать. Иногда на это уходят годы и даже десятилетия.

Вот так и А. И. Морозов примерно десять лет ждал встречи с комической оперой Т. Хренникова «Безродный зять». Конечно, это время отмечено напряженным трудом, поисками и удачами. Среди спектаклей были интересные, глубокие и оригинальные постановки: строгая и монументальная патетическая оратория Г. Свиридова «Маяковский», словно раз-

мытый морской волной «Летучий голландец» Р. Вагнера, опера Э. Лазарева «Клоп». Здесь сам материал подсказывал оформление необычное, смелое и острое, доведенное до гротеска, до состояния «смех через край». Наконец, была опера В. Мурадели «Октябрь» с ее масштабностью, фундаментальностью темы, революционной романтикой.

И вот «Безродный зять». Морозова привлекал в этой работе жанр комической оперы, не часто встречающийся в практике театров. Да и режиссер-постановщик Э. Пасынков предложил интересное решение спектакля в виде ярмарочного действия.

Работалось удивительно легко и свободно. И в день премьеры зрители увидели спектакль веселый, красочный, необыкновенно праздничный. Эту красочность, нарядность, веселье рождало и оформление. Тот, кто его видел, помнит и «солнечный» занавес, и легкие, воздушные «шуточные» строения, и, наконец, лихую, искрящуюся смехом масленицу с сжиганием чучела, каруселью и вороными конями.

Здесь, в этом спектакле, А. Морозов смог применить свое знание техники сцены, использовать русский сказочный стиль в сочетании с шуткой, удовлетворить острое желание поработать над комедией.

Из последних спектаклей художника значительными представляются «Иван Сусанин», который А. Морозов строит на ярком стилевом и цветовом контрасте. Русские сцены он оформляет просто, бесхитростно, в светлых и мягких тонах, тогда как польские — это подчеркнутая надменность в декорациях и костюмах, черный с серебром цвет. Впрочем, и в самой партитуре оперы Глинки заложен этот контраст — распевные русские мелодии и изысканная холодная музыка польского акта.

Тот же стилизованный и цветовой контраст использует художник и в балете «Пламя Парижа» Б. Асафьева. Из пышного помпезного дворца монархов Франции Тюильри, где позолота точно выписанных капителей оттеняет синий бархат костюмов придворных, мы попадаем на городскую площадь — сборный пункт повстанцев, которую окружают высокие дома, а еще выше небо, залитое пламенем революции.

И еще об одном. Морозов никогда не «навязывает» свое решение спектакля. Изобразительную форму он ищет в самой музыкальной драматургии произведения. Таков его принцип, если хотите, святыня: ничего извне, только в самом материале следует искать ключ к решению постановки. В этом в театре еще раз убедились, когда недавно Альбин Иванович знакомил с эскизами будущего спектакля — оперы И. Державина «Тихий Дон». Что главное здесь? Что создает образ? По замыслу художника — Дон, то затянутый льдом, гнетущий и холодный, то по-весеннему цветущий и радостный, то бующий и мятежный. Этот образ, безусловно, подсказывает и партитура оперы, и ее литературный первоисточник. В спектакле мы видим, как состояние реки переключается с настроением Григория Мелехова, как через Дон передается дыхание времени — героического и трудного становления Советской власти на казачьей земле.

Опера «Тихий Дон» — пока последняя работа А. Морозова. Но впереди — новые спектакли. Хочется надеяться, что среди них будут и те, что раскроют нам новые грани таланта театрального художника.

В. ГОЛОВИНА.
Фото О. Климова.